

© 1996 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

К ПРАРОДИНЕ АРИЕВ

(По поводу выхода книги: Ю.А. Шилов. Прародина ариев, История, обряды и мифы. Киев, 1995)

Книга Юрия Алексеевича Шилова привлекает внимание остротой поставленных проблем, фундаментальностью исполнения и незаурядностью. За этим внушительным томом в семьсот с лишним страниц, с библиографией, охватывающей 1101 позицию, с альбомом из шестидесяти карт, репродукций и схем, стоит по меньшей мере двадцать лет работы по проблеме. Почти на всем лежит отпечаток личности исследователя, начиная хотя бы с этих посвячительных слов, открывающих книгу: "Селу Обиточное посвящаю сей труд. Автор". Отдавая должное этой пытливей авторской установке на раскрытие трансцендентального, древних традиций, отражающихся также в судьбах всех последующих поколений людей, позволю себе задержаться чуть дольше на этом посвящении, которое одно является, на мой взгляд, сгустком человеческой судьбы Шилова и проблемы Indoarica в Северном Причерноморье. Дело в том, как я давно считаю, что название родных мест автора книги о прародине ариев – *Обиточное, Обиточная*, что значит "обтекаемое", представляет собой реликтовое периферийно-славянское отражение (семантический перевод, кальку) субстратного индоарийского *pari-sara-*, буквально "обтекание", названия примерно тех же или соседних мест, которое отпечаталось также в испорченных формах *Balisira* и даже *Белосарайская коса*. Какие-то индоарийские меоты были и в Северном Приазовье, судя по свидетельству античных писателей. Не стану говорить о том, что какие-то "меотские" гены Шилова неотвратимо предопределяли выбор им темы прародины ариев, скажу лишь одно, основываясь на своем личном опыте, это уже второй случай исследовательского интереса к индоарийской проблеме в Северном Причерноморье, с которым сводит меня судьба в последние годы. Первым был мой ученик и аспирант, родом из Геленджика, значит с территории – тоже индоарийской – древней Синдики...

Вот уже более двадцати лет, как оформился мой личный интерес почти к одноименной проблеме, давший пищу для серии публикаций, объединяемых темой INDOARICA в Северном Причерноморье. Эти работы нашли в Ю.А. Шилове внимательного читателя, в чем-то, очевидно, повлияли на его локализацию прародины ариев. Говоря его словами: "Наиболее выразительные и наилучше (так в книге! – О.Т.) исследованные курганы сконцентрированы в Нижнем Поднепровье, на выявленной О.Н. Трубачевым и др. лингвистами (а теперь уже и археологами) прародине ариев [Шилов 1995 : 7], ...начало открытию положили два основных обстоятельства: публикации лингвиста О.Н. Трубачева и археологическое исследование Высокой Могилы" [Шилов 1995 : 22]. Автор трезво отдает себе отчет в том, что "открытие прародины ариев" явилось синтезом "лидирующего лингвистического и слабо проявившего пока себя в этом плане археологического направления поиска" [Шилов 1995 : 10]. «И на всем этом протяжении – от древнейшей, "новоданиловской" конницы до образования в Азово-Черноморских степях первого государства – Скифии – центром не только географическим, но и этноисторическим процессов оставалось Нижнее Поднепровье, прародина ариев» [Шилов 1995 : 36]. Могут представить интерес про-

странственные параметры, определяемые автором: "Прародина ариев в Степном Поднепровье – от Днестра до Молочной, от устья Псла до Присивашья..." [Шилов 1995 : 614], как и то, что он описывает центр арийской прародины как подобие острова в междуречье Каменки и Базавлука, "как бы соединяющих Днепр и Ингулец", с расположенными там Михайловским поселением и Старосельскими курганами [Шилов 1995 : 452].

Говоря о работе Ю.А. Шилова, нельзя не сказать прежде всего о главной цели, которую автор понимает как "реконструкцию мифотворчества степного населения Восточной Европы" [Шилов 1995 : 40]. При этом "центром исследования избирается Нижнее Поднепровье IV–II тыс. до н.э., что обусловлено и выводами лингвистики о формировании здесь и тогда ядра арийской общности..." [Шилов 1995 : 41]. Это знаменует собой ощутимый методологический шаг автора: "Таким образом, переход от описания археологических свидетельств погребального обряда к реконструкции мифотворчества строителей курганов подытожил основные достижения в изучении энеолита-бронзы Юго-Восточной Европы и стал началом его нового этапа" [Шилов 1995 : 27, 28]. "В общем останки людей в археологических памятниках второй половины IV – конца II тыс. до н.э. рассматриваемой территории находят разнообразные и порой весьма выразительные соответствия в арийской (индоиранской) мифологии. Соответствия иным мифологиям (греческой, прежде всего) выражены гораздо слабее" [Шилов 1995 : 172; см. еще Шилов 1995 : 401 и *passim*]. Автор весьма обстоятельно в предпринимаемом им вскрытии соответствий между своим материалом и мифами и персонажами Ригvedы – Индры, Вишну, Вритры и Вальи, Адитьев, Пуруши, Матаршвана и др. [Шилов 1995 : 173]. В автореферате докторской диссертации Ю.А. Шилова специально сказано, что "первая научная публикация раскопок Высокой Могилы, в которой было указано на схождение обрядов данного кургана Днепро-Ингулецкого междуречья с индоарийской Ригvedой, относится к 1977 г. С тех пор в этом направлении автором было опубликовано около 70 работ..." [Шилов-АДД : 10]. Вместе с тем он отмечает, что первым из археологов к гимнам и образам Ригvedы обратился на материале трипольской культуры Б.А. Рыбаков в своей работе 1965 года "Космогония и мифология земледельцев энеолита", которая знаменовала не только "очередной успех триполиеведения" [Шилов 1995 : 19, 20], но, по-видимому, и более осязаемый подход к проблеме индоевропеизма Триполья.

В целом вопрос прародины ариев (то есть индоарийцев и иранцев) целесообразно рассматривать в контексте всей индоевропейской проблемы, имея в виду отсутствие резких границ между этим частным этногенезом и этногенезом совокупным. Здесь могут представить интерес суждения о преимущественном направлении миграций, материал для которых (суждений) есть и в книге Шилова. Главной антигезой здесь было и остается западное или восточное направление миграций. Предоставим слово автору: "...заволжские и закавказские племена проникали в Европу на всем протяжении энеолита и бронзы, однако ни одного массового вторжения или серии миграционных волн, как это представилось Иванову и Гамкрелидзе вслед за М. Гимбутас, не было; более выражено обратное движение" (подчеркнуто мной. – О.Т.) [Шилов 1995 : 29]. Из археологических аргументов здесь уместно напомнить цитируемую и нашим автором концепцию В.А. Сафронова, трактовавшего "праиндийскую ветвь" как кубано-днепровскую культуру, берущую истоки в Подунавье [Шилов-АДД : 15], ср. сюда же общее соображение о происхождении курганов ариев и других индоевропейских племен от святилищ лендельского (то есть центрально-европейского) типа [Шилов 1995 : 608]. Приведу некоторые конкретные лингвистические свидетельства: «Распад индоиранцев на две ветви носит в Северном Причерноморье окончательный характер, хотя каждый "распад" лишь закрепляет и старое диалектное членение и новую консолидацию. Любопытно, что некоторые индоарийские (праиндийские) изоглоссы, возможно, выступают еще в Карпатском регионе. Так, уже Соболевский связал название притока Тисы *Homád* с др.-инд. *nadī* "река" ...; мы можем сейчас добавить ряд местных названий с элементом *-nad*, известных

исключительно в Трансильвании и Банате: *Pánade, Tăşnad, Tuşnad, Cenad...* Известная *Nitra* в Словакии находит теперь объяснение как восходящая к древней форме *neitrā, родственный др.-инд. *netrá-* "проход"...» [Трубачев 1991 : 150, 151]. Еще Томашек обратил внимание на разительные индоарийские реликты в фракийской этнонимии $\Sigma \alpha \tau \rho \alpha \iota \sim$ др.-инд. *kṣatra-* и $\text{В}\eta\sigma\sigma\omicron\iota$, также *BESUS, VESUS* $\sim$ др.-инд. *veśá-*, то есть уже отражение каст кшатриев и вайшьев [Трубачев 1993 : 17]. Сказанное не должно ослабить идею длительного пребывания и, возможно, окончательного оформления ариев (индоариев и иранцев) в Северном Причерноморье, но и терять из виду, куда ведут или, вернее, откуда, скорее всего, исходят древние диалектные отношения, тоже, по-видимому, не следует.

В актуальнейшем для исследования вопросе индоарийско-иранской дифференциации в Северном Причерноморье Шилов солидаризируется с Трубачевым, возражая скептикам, преувеличивавшим, напротив, унификацию индоарийцев и иранцев в регионе (напр. Д.С. Раевский), причем возражая в том смысле, что мы не вправе игнорировать исторический факт, что греки различали скифов от синдов, меотов, тавров [Шилов 1995 : 22]. Настороженная позиция, которую, как известно, заняли при этом иранисты-скифологи, очевидно, нуждается в смягчении или пересмотре. При желании здесь можно увидеть некую аналогию той "жесткой апробации", которую длительное время испытывал на себе исследователь Высокой Могилы (ср. [Шилов 1995 : 7]).

Несомненной заслугой Шилова является попытка систематически обосновать в терминах археологии вышеназванную дифференциацию. Опираясь на свой полевой исследовательский опыт и суммируя состояние вопроса в литературе, он приходит к следующим формулировкам: "Итак, по имеющимся у нас... данным о мифотворчестве строителей степных курганов середины IV–I тыс. до н.э., арийская общность представляется... довольно-таки напряженным содружеством двух этнокультурных образований – кеми-обинского (затем таврского) и старосельского (новотитаровского)..." [Шилов 1995 : 36]. И там же, чуть выше: «И если "кеми-обинцев", исходя из их мифологии..., можно считать ядром индоарийцев, то "старосельцев"... – ядром праиранцев» [Шилов 1995 : 35, 36]. В этом труднейшем вопросе автором сделаны новые обобщения и разнообразные наблюдения, основанные на массовом, в том числе лично перелопаченном материале. Вероятно, адекватная оценка этих обобщений и наблюдений – задача специалистов-археологов. Но представляемый ими (наблюдениями и обобщениями Ю.А. Шилова) интерес все-таки, очевидно, выходит за рамки собственно археологии и непосредственно затрагивает более широкий круг дисциплин. Ср. хотя бы наблюдение о двух ареалах – курильниц, носители которых (в Предкавказье) почитали землю, огонь, луну, и чаш, носители которых (ингульская культура) почитали небо, воду, солнце, а также – о связи этих регионов (западного и восточного) с дуализмом противостояния асуров и дэвов [Шилов 1995 : 432, 433]. Далее "...ареал формирования кеми-обинской культуры и ее контактов с родственными культурами Кавказа распространялся от Прикубанья до Поднепровья; таков же ареал формирования гробниц (sc. lic. каменных гробниц. – *О.Т.*) Юго-Восточной Европы" [Шилов 1995 : 513]. Как видим, кеми-обинский археологический ареал практически идентичен сафоновской кубанско-днепровской культуре, осмысляющейся как индоарийская. Действительно, первое, что при этом приходит в голову из лингвистической аргументации, это повторяемость ономастики собственно Синдики и плиниевской *Scythia Sindica*, от чего отмахнуться невозможно, несмотря на то, что ряд исследователей всячески пытался это сделать. Таврские погребения с каменными ящиками и накрывающими их плитами, очевидно, занимают свое место в этой иранской культуре (ср. [Шилов 1995 : 109], впрочем, выражаемое там предположение автора, что плита выступает как символ "каменного неба", похоже, не вписывается в индоарийскую модель мира ввиду крепнущего в научной литературе убеждения, что значение "небо" свойственно только иранскому *asman-* "камень; небо", тогда как др.-инд. *ásman-* «в Ригведе никогда не выступает в значении "небо"» [EWai I, 2 : 138].

Как уже говорилось, "кеми-обинцы", по концепции Шилова, "представляли собой ядро индоарийской культуры" (см. еще [Шилов 1995 : 33]). Одновременно он склонен констатировать тяготение кеми-обинской культуры к трипольской (там же), ср., возможно, сюда же упоминаемое им "открытие календарей в орнаментации кеми-обинских гробниц" [Шилов 1995 : 40]. Попутно отмечу мнение автора об индоарийской принадлежности также киммерийцев ("белозерцев") [Шилов 1995 : 607], что можно лишь принять к сведению, имея в виду тот скудный минимум, которым располагает наука об этнолингвистической принадлежности киммерийцев (впрочем, и здесь позволительно вспомнить еще геродотовскую констатацию как бы двух ареалов киммерийского – у Боспора Киммерийского и у Тираса-Днестра, ср. уже упоминавшуюся повторяемость ономастики Синдики в азиатском Боспоре и в днепро-бугской Синдской Скифии). Несколько труднее воспринимается (после изложенного выше) то, что автор иногда ассоциирует "кеми-обинцев" с протогреками [Шилов 1995 : 453], наконец, говорит о кеми-обинской культуре как искусственно созданной и внедренной в среду протоариев кланом жрецов-брахманов [Шилов 1995 : 615]. По-видимому, до более определенных выводов об этой культуре предстоит еще немалая работа.

Как уже упоминалось, констатируется противостояние (alias сосуществование) кеми-обинской и старосельской культур. В иных терминах признается, вместе с такими исследователями, как В.Н. Даниленко и В.А. Сафронов, "тяготение основного массива ямной культуры к иранской ветви..." [Шилов 1995 : 36]. Вместе с тем хотелось бы внесения ясности в отождествление старосельской культуры как «хурритского или "иранского" полюса» [Шилов-АДД : 8], что элементарно взламывает рамки надежного понимания не только иранизма, но и индоевропеизма в целом. Резюмируя эту часть моего отзыва, могу лишь высказать дежурную мысль о том, сколь затруднительны не только идентификация, но даже соположение археологического плана и плана лингвистического.

Упомянув раз, вслед за автором, о хурритах, кратко скажу также о том, что Шилов, как мне показалось, несколько рискованно распространяет идею арийско-хурритского союза на Приазовье, как бы в порядке разработки гипотезы Трубочева [Шилов 1995 : 33, 481; Шилов-АДД : 45]. Мысль мая была проще и имела тесную лингвистическую привязку: констатировалось очевидное повторение самоназвания приазовских индоарийских меоты (а не Меотиды!), ср. эпиграфическое MAITAI, в названии хуррито-арийского государства на севере Месопотамии Митанни, точнее Maitanni (*maita*- "меоты" + хурритский формант *-nni*), на чем основывалось совершенно конкретное возражение, в частности, М.И. Артамонову, считавшему, что меоты в переднеазиатских походах не участвовали: напротив, участвовали даже в акте создания митаннийской государственности. Распространение арийско-хурритского союза в Приазовье меня пока не убедило. С другой стороны, надо, возможно, отнестись внимательно к этой "волне шумеро-вавилонской экспансии, связанного с ней миграционного движения и формирования ранней катакомбной культуры" [Шилов 1995 : 481]. "Указанная волна, – говорится там же, далее, – обусловила ощутимый контакт индоевропейских, картвельских и семитских этносов и языков...". Автор предполагает весьма широкие границы картвело-индоевропейского ареального союза, объясняя этим появление "протогрузинских элементов вплоть до низовьев Днестра" [Шилов 1995 : 71]. Предположения о возможности индоевропейско-картвельских контактов к северу от Кавказа высказывались и ранее, например М. Гимбутас (см. специально [Климов 1994 : 25]), хотя сам этот специалист по кавказским языкам склоняется к идее "некоторого более южного ареала" восприятия картвельским древнейших индоевропеизмов, то есть сочувствует версии Гамкрелидзе – Иванова о переднеазиатской прародине индоевропейцев [Климов 1994 : 213, 217]; однако существенно, что "как картвельские, так и урартские индоевропеизмы не обнаруживают сколько-нибудь заметной близости к соответствующим формам анатолийских языков" [Климов 1994 : 15, со ссылкой на Меликишвили].

Памятуя об этих чрезвычайных трудностях соотнесения археологических культур с

языковыми общностями, следует, думается, осторожнее отнестись к несколько предварительным выводам о том, что «сосуществование "ингульцев" (автор трактует ингульскую археологическую культуру как "гиперборейцев", см. [Шилов-АДД : 9] – О.Т.) Степного Поднепровья с прочими "катакомбниками, господствовавшими в первой четверти II тыс. до н.э. в более восточных регионах катакомбной культурно-исторической области, отвечает выделяемому лингвистами арийско-греко-армянскому диалекту индоевропейской языковой общности...» [Шилов 1995 : 617]. К тому же, некоторые древние лексико-ономастические изоглоссы показывают размещение носителей древних греческих ("данайцы") и армянских диалектов, а также их контактов между собой и с арийскими все же, скорее, на Среднем и Нижнем Дунае, то есть к западу от Северного Причерноморья.

Очередной большой комплекс вопросов этнокультурной истории, которого следует коснуться, можно сформулировать как земледелие в Северном Причерноморье исследуемого периода или еще как арии и земледелие. Этимологии "арии"-"пахари", которой наш автор отдает предпочтение, мы еще коснемся специально ниже, здесь же попытаемся взглянуть на положение дела из общей перспективы, не теряя, разумеется, из виду археологических итогов автора также по данному вопросу, ср. указание на "...прочные земледельческие традиции в среде скотоводов Азово-Черноморских степей" [Шилов 1995 : 532]. Ср. там же, ниже, конкретное свидетельство-изображение упряжки волов, плуга, мотыги на плите из кургана 1 у Бахчи-Эли, близ Симферополя [Шилов 1995 : 533]. Однако проблема, скорее всего, имеет свой ареальный аспект (вспомним об ареалах чаш на западе и кувшины на востоке у Шилова, см. выше). Любопытно следующее свидетельство: "...устойчивое земледельческое хозяйство существовало только на крайнем западе Скифии, на территории алазонов, каллипидов и скифов-пахарей... На восток от пахарей раскинулось бескрайнее море кочевых и полукочевых скифских, сакских, сарматских, массагетских племен" [Абаев 1981 : 76]. Остается сказать, что этот "крайний запад Скифии", очерченный Абаевым (страна алазонов, каллипидов, скифов-пахарей) в сущности идентичен геродотовской же "Старой Скифии", району с минимумом собственно скифских погребений, индоарийский, нескифский характер которого мы пытались обосновать на материале ряда лексико-ономастических изоглосс и этимологий. Вообще же вопрос о земледелии у ариев и специально об их терминах "плуг", "пахать" также имеет выразительно ареальный аспект на общеиндоевропейском фоне. Представим в связи с этим слово индоевропеисту Дж. Бонфанте, заключение которого об этом доступно нам в резюме рецензента: «отсутствие убедительных родственных соответствий и.-е. словам *sal-"соль" и *H₂erH₂-(trotlto)- "плуг" в индоиранском, контрастирующее с их наличием в тохарском (A sāle, B salyiye и, соответственно, AB āre) и армянском (at, arwr) означает, что а) прародина индоевропейцев была в Европе; б) индоевропейцам были известны земледелие и соль; в) прототохары и протоармяне происходят из Европы; д) индоиранцы в процессе миграции в Азию утратили знакомство с земледелием и солью» [Blažek 1994 : 453].

Это, так сказать, крайняя точка зрения, ибо есть основания для другого взгляда, более открытого различным допущениям и, надо думать, более, вероятно: индоиранцы покинули Центральную Европу в ходе своего перемещения в Северное Причерноморье, Предкавказье и дальше, унося с собой сведения о культурно более древней стадии земледелия, по большей части еще мотыжного; европейская инновация *arətrotlto- совершилась уже после их ухода, но какую-то форму земледелия они не переставали практиковать, продолжая знать и древнюю форму плуга, ср. др.-инд. śira-"плуг", вероятно, собственно "плуг-сеялка", если от и.-е. *sēi-"сеять", даже первоначально – "сажать, вдавливать" (ср. [KEWA, III: 476, с литературой], а также семантическую реконструкцию *sē-"сеять" < "вдавливать" у Ж. Одри, цит. по: [Климов 1994 : 57]). Кстати сказать, не следует преуменьшать значение связанной с земледелием ирригации в исследуемом регионе (ср. [Шилов 1995 : 564]) и специально в таких

нескифских его частях, как Таманский полуостров и Синдская Скифия в низовьях Днепра и Ю. Буга. Ср. свидетельство Плиния о канале в Синдской Скифии, называемом им *Coretus* и характеризующимся им словами *manu factus alveus* "рукотворное русло", на основании чего я сближал *Coretus* с др.-инд. *kṛtá-* "сделанный" [Трубачев 1977 : 20]. О каналах в низовьях Кубани было доподлинно известно Страбону (Geogr. XI.2), из авторов нового времени о них писали Риттер, Забелин и другие.

Возвращаясь к этимологическому аспекту проблемы, положение дела с отсутствием у ариев продолжений и.-е. **arə-* "пахать, раздирать землю плугом", **aratro-* "плуг, орало" приходится резюмировать в том смысле, что происхождение самоназвания ариев – др.-инд., иран. *ārya-* от указанной глагольной основы невозможно. Таково мое замечание на точку зрения автора, выраженную, так сказать, *passim* (см. [Шилов 1995 : 225, 241, 534, 566]). И это притом, что, как уже говорилось выше, арии Северного Причерноморья, и в первую очередь, по-видимому, индоарийцы, продолжали заниматься земледелием, о чем, естественно, говорят и шиловские археологические разыскания. Выбор правильных этимологических решений, нелегкий и сам по себе, в том числе и для специалистов-этимологов, не всегда удавался и автору этой большой, сложной, трудной для исполнения книги. Ошибочно сопоставление др.-инд. *úrva-* с укр. *урвище* "пропасть, овраг" [Шилов 1995 : 55], так как возможно только членение последнего *у-рв-ище*; др.-русс. *Мокошь* вероятнее всего понимать как божество плодородия и связывать с *мокрый* (ср. [Фасмер, II: 640]), а не объяснять из *ма + кош*, якобы "Мать вместилища (урожая)" [Шилов 1995 : 59]; укр. *стерно* "руль", польско-немецкое заимствование, нельзя связывать с гот. *stairno* "звезда" [Шилов 1995 : 76]; слово *вдова* нельзя произвольно членить как *в-дова* и связывать со слав. **daviti* [Шилов 1995 : 140]; произвольно и произведение гандхарвов и кентавров "от куно-тавров", якобы "собако-быки" [Шилов 1995 : 198]; русск. зверь, слав. **zvěрь* никак этимологически не связано со сван. *джвар* (ср. [Шилов 1995 : 218]), первое из них – исконно индоевропейского происхождения, второе, собственно, груз. *žvari* "крест" объясняют как местное заимствование из иранского (см. [Абаев 1958 : 401, 402]); областное русское слово *саман* объясняется как заимствование из тюрк. *saman* "солома" [Фасмер III : 552], вне связи с хеттским *samana* "фундамент" [Шилов 1995 : 238]. В оправдание автора можно сказать, что таких и им подобных "вкусовых" этимологий еще немало попадаетея на страницах весьма серьезных трудов по истории и археологии, и в этом можно увидеть и нашу вину, отставание доступной пропаганды правильных этимологических знаний. Отрадно впрочем, также отметить, что наряду с этими, скорее, "вкусовыми" этимологиями автор высказывает отдельные тонкие этимологические наблюдения по сближению слов и стоящих за ними понятий, на фоне собственных археологических разысканий, нацеленных на реконструкцию древних представлений. Так, например, наблюдавшуюся им практику расчленения, измельчения человеческих жертвоприношений он соотносит с фактом схождения трактуемых обычно как омонимы ([Рокоту, I : 735 – *mer-4* и *mer-5*]) и.-е. **mer-* "умирать, умирание" и **mer-* "размалывание" [Шилов 1995 : 138]. "Идея воспроизводства жизни посредством ментальных усилий", обсуждаемая автором на примере семантического схождения "мысли" и "семени" [Шилов 1995 : 187], привлекла меня созвучностью с моими собственными недавними размышлениями над древним синкретизмом **men-* "мужского" и **men-* "мыслительного" в индоевропейском и славянском.

Дальнейшие мои замечания носят преимущественно конкретный, порой частный характер, и их навеянность чтением труда Шилова по-своему свидетельствует о богатстве и разнообразии содержания этой книги.

Наш автор, кажется, не совсем прав, полагая, "что присущая позднейшим индоариям символика цветов на их прародине еще не устоялась..." [Шилов 1995 : 98, ср. еще 101]. Два примера. Первый из них говорит о наличии уже в Северном Причерноморье, в Предкавказье, не только такого цветообозначения, как **suvarna-*,

этимологически тождественного др.-инд. *śuvárna-* "имеющий хороший, красивый цвет; блестящий; золотой; принадлежащий к благородной касте", но и этнонима, племенного названия Σουαρνοί (Ptol.), явно представляющего собой сознательное, устойчивое использование этого цветосимвола уже в кастовой, социальной терминологии. Второй пример интересен тем, что показывает не только наличие древнего, еще индоевропейского цветообозначения, но и факт его – тоже древнего – табуистического употребления. Речь идет о таком традиционно табуизируемом обозначении, как название зайца, – индоарийское **sasa-* "заяц", надежно выявляемое на базе личного имени Σάσας Σινδέου, Горгипия (Корпус боспорских надписей № 1094). Ср. др.-инд. *śaśá-* "заяц, кролик" < **śasa-* < и.-е. **kaso-* "серый, светлый" (для скелтиков отметим, что иранская форма имела бы вид **saha-*). Сюда же исконно родственное нем. *Hase* "заяц". Ср. и табуистическое обыкновение обозначать зайца серым, серяком по-русски. Попутно полезно напомнить и археологическое свидетельство о наличии зайцев в курганной культуре (см. [Mallory 1982 : 199, 200]). И это – тем более, что Ю.А. Шилов в своей специальной главе "Дикие животные" (с. 177–194) о зайце не упоминает. Таким образом, мы лишней раз убеждаемся в том, сколь многое из верований, символики и значений слов, не только первичных, но и вторичных, фигуральных, получило свое оформление и развитие у индоарийцев уже в Северном Причерноморье. Важность этого наблюдения и материала трудно переоценить, если иметь в виду, что в науке почти до последнего времени преобладает взгляд, связывающий оформление индоарийского чуть ли не с приходом индоарийцев в Северо-Западную Индию. Назвать все это можно примерно в духе высказывания самого Ю.А. Шилова: "Мудрость, собранная (преимущественно на берегах Днепра) и сохраненная (преимущественно на берегах Инда) арийскими брахманами..." [Шилов 1995 : 612].

О летучести и дальности проникновения арийского этнического элемента, арийских мифологем уже писалось другими, находившими отголоски в первую очередь – иранских (скифо-сакских, сарматских) культов на гигантских пространствах от британских до японских островов. Показательно, что индоарийский не проявил подобной летучести; он проделал свою известную трассу с северо-запада на юго-восток (Европа, Северное Причерноморье, Предкавказье, Месопотамия, Индия), но проделал ее видимо более тяжелой поступью, отличавшей севшего на коня земледельца от конников-иранцев с их способностью распыляться на необозримые пространства. Раньше всего арийский этнический элемент углубился в южном направлении. Феномен Митанни известен (см. также выше). Не меньше (а возможно – больше) проблем возникает в связи с иранскими – скифскими, сайскими (сайи, хсайи – "царские, царственные") походами, проникновениями в догеродотовское время от Приднепровской возвышенности до долины Иордана (ср. [Шилов 1995 : 10]: "...от долины Иордана до Приднепровской возвышенности..."). Здесь многое еще остается выяснить – от идентификации, этимологии отдельных форм до датировки явлений. Кое-что из этих сюжетов затронуто в моей статье "Слово о Русской энциклопедии и некоторых энциклопедических статьях на библейские темы" (рукопись сдана в "Палестинский сборник" и журнал "Palaeoslavica", Бостон, Гарвард). Начать с того, что уже само название реки Иордан – греч. Ἰορδάνης, др.-евр. *Yardēn* – нельзя объяснить, не прибегнув к помощи выразительного иранского **danu-* "река"; любопытно при этом, что название Иордан зафиксировано как древнеегипетское *Irdn* уже в X в. до н.э.

Не менее любопытно, что, помимо древнеиндийского персонажа Ригведы по имени *Аджа* "Козел", катакомбные аналогии которому находит в Северном Причерноморье археолог (см. [Шилов 1995 : 151, 208 и сл.]), в древнееврейской религии прочное место занимает некий *Aza'el* (испорченное *Azaz'el*), то есть *Aza*-бог, в полном чтении – "Козел-бог", что подтверждается и наличием в Библии в аналогичном употреблении древнееврейского *сеирим* "козлы", а в русской Библии – своеобразной передачи "козел отпущения" (см. А.Б. Ранович [Ранович 1937 : 135; 136], без попытки осмысления

элемента *aza-*; из литературы см. еще Н.Н. Евреинов [Евреинов 1924]: о "козло-поклонничестве" в Евразии; Дм. Гулиа [Гулиа 1986 : 283]: культ козла (*ашьтэа*) у абхазов). Ясно, что форма *aza-* представляет собой иранское нарицательное слово со значением "козел". Остается лишь добавить, что этот узкоеврейский ритуальный *Az'el, Aza'el*, который расшифровывается как частичный скифский импорт, получил блестящее преломление и отражение в inferнальном образе Азazelло (Булгаков, Мастер и Маргарита), став таким образом и достоянием нашей культуры.

Автора очень интересует фольклорная преемственность. Сюжеты верований и преданий, выявленные в древних курганах доскифского времени, порой прослеживаются им в местных легендах и преданиях XX века [Шилов 1995 : 124]. Этот ряд феноменов может быть пополнен еще одним, вернее, его отражениями вплоть до недавнего времени и их более точной локализацией. Речь идет о так называемом журавлином мифе и гераномахии. Сюжет битвы журавлей с пигмеями выявлен специалистами в ряде древних индоевропейских литератур. К этому следует добавить также выявленную с некоторых пор в древних глоссовых контекстах и в топонимии – начиная с античной вплоть до наших дней – локализацию преемственной памяти этого мифа на небольшом пространстве земли в низовьях Днепра и Южного Буга. Сюда относится прежде всего реконструируемое индоарийское выражение **kank-uta-* "изгнанные журавлями", ср. εἰς Κάγκυτον, декрет в честь Протогена, Ольвия, III в. до н.э., и близкую форму в вариантах к Plin. NH IV, 44, глоссируемую с помощью латинского: a grūibus fugatos (вар. pulsos) "журавлями изгнанные". Подробнее см. [Трубачев 1987 : 119 и сл.] (а также в книге INDOARICA в Северном Причерноморье, в печати). Ср. др.-инд. *kaṅká-* "цапля", с одной стороны (традиция обозначать журавля и цаплю одним словом, то есть смешивать их, известна), а с другой стороны – ее продолжения в современной гидро- и топонимии этих мест, ср. сюда прежде всего река бассейна Нижнего Днепра *Конка* и наличие там же производных названий мест от укр. *чапля* "цапля". Эта традиция четко ощущалась в античное время, ср. существование там названий *Gerania* (*orpidum*, Plin., там же), собственно греч. "журавлиная", точнее "журавлиный" ("город", в греч. – женского рода), а также еще более древнее калькирующее отражение в Γέρρος, если из **ger(ə)nos* "журавль", "албанская" фонетика которого (-rr- < -rn-) позволила бы вспомнить о фракийской атрибуции киммерийского, тем более, что арийским характеристикам это просто не соответствует. Эту возможность мы рады подсказать автору, поскольку он ищет на нескольких иных направлениях [Шилов 1995 : 471: о тяготении мифа о битве с журавлями к кавказско-малоазиатскому ареалу] и все еще озабочен стремлением "заполнить лауну между античным оформлением данного мифа и его индоевропейскими истоками..." (там же: 471, 472).

Переходя напоследок к славянским параллелям и славянским отражениям, мы имеем в виду, что Поднепровье, тем более – Нижнее, представляет собой периферию древних славянских ареалов (а от древнейших ареалов славян оно вообще лежало в стороне). Славянские параллели древним арийским состояниям носят поэтому свободный характер, что не умаляет, однако, значения феномена традиционной унаследованности явлений скифской и далекой, доскифской древности перекрывающим слоем славянского, украинского населения, к которому так внимателен Ю.А. Шилов. Во-первых, при этом легче всего было бы занять позицию во всем сомневающегося скептицизма, позицию, сплошь и рядом бесплодную, тогда как разумнее было бы присмотреться к заявленным отражениям и преломлениям субстратного арийского культурного элемента среди местного славянского населения, той же украинской запорожской вольницы. Во-вторых, важно преодолеть эту ученую традицию неверия в культурную преемственность населения этой проходной степной полосы, против чего еще более столетия назад выступил И.И. Срезневский, в специальной работе показавший древность, даже архаичность славянских, древнерусских местных названий наших южных степей, обезлюдивание которых обычно систематически преувеличивалось. Наш вводный пример пары семантических преем-

ственных соответствий *Обиточное* – *pari-sara из этого разряда (подробнее об этом в нашей книге "В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси", второе, расширенное издание, в печати). В этом смысле целесообразно внимательно изучить унаследованность славянскими племенами традиций древней среднеднепровской культуры, но также и культуры, территориально более отдаленных синдов (ср. [Шилов-АДД : 9]).

Мы же здесь ограничимся одним-двумя спорадически взятыми примерами из области упомянутых славянских культурно-типологических параллелей или даже более тесных отражений. Одна из таких культурнотипологических параллелей дается нами к занимающему автора вопросу о "семантической связи повозок и молоточковидных булавок" [Шилов 1995 : 333]. Определенный пояснительный материал к этому находим в этимологии и семантике соответствующей славянской терминологии и ее реального фона, а именно связь и отношение слав. *jьgo (русск., укр. *ýgo* и в большинстве славянских языков – "ярмо") из праиндоевропейского *jugom "(воловье) ярмо, иго" и слав. **jьg(ъ)la* (русск. *игла́*, укр. *го́лка* и др.) "игла, иголка". Главный интерес представляет последнее, в том числе, думаю, и для исследователя молоточковидных булавок и их связи с повозками в древнем Нижнем Поднепровье. Как это ни странно, "игла" в славянском обозначается не производным от глагола "шить", что казалось бы логично (ср. нем. *nähen* – *Nadel*). "Игла" – слав. **jьg(ъ)la* – это прежде всего "игла с ушком", то есть "с головкой", некий аналог "булавки", древнего названия которой, похоже, не сохранилось, точнее, его функцию первоначально выполняло слово **jьg(ъ)la*, *игла*. Преобладающее значение последнего – "швейная игла", как кажется, сменило более первоначальное – "шворень, стержень", представленное сейчас в меньшинстве случаев или, как бывает с древними значениями, в производных. На это и обратил внимание В. Махек, которому мы обязаны принципиальной этимологией **jьg(ъ)la*, *игла* как производного от *jьgo, *уго*. Он обратил внимание на случаи вроде словацкого диал. *jehlice* (собственно, *jьgъlica) "часть ярма", точнее – "прут, запирающий ярмо при надевании его на шею скотины". Без такой древней "иглы" (для фиксации, возможно, имевшей молоточковидную головку?) распалось ярмо, без ярма не могла осуществляться тяга повозки (эпизод – *jьgo – *jьgъla изложен по: [ЭССЯ, 8 : 213, 214]).

Второй, краткий, пример славянского соответствия касается отмечаемой автором приверженности индоарийского Варуны западу, потугостороннему океану и некоему острову посередине его [Шилов 1995 : 592]. Перед нами набор черт, возможно, свойственных и этимологически родственному слав. *volunь/*velunь и, через его призму, производящему его теониму *velunь, с такими характерными чертами семантики последнего, как распространение главным образом на западе славянства (украинская *Волинь* – самый восточный из случаев этого названия), долинность/низинность и прибрежность (см. [Трубачев 1994 : 14]). Этим, конечно, славянско-дославянские связи и культурные традиции не исчерпываются, ср. одно из общих заключений книги: "...уходящие в докурганные времена традиции сятилиц-обсерваторий и Матери-Земли не прервались. Они сохранились и у средневековых славян Восточной Европы" [Шилов 1995 : 607, со ссылкой на Б.А. Рыбакова].

Приближаясь к итогу, отмечу также, что кое-что осталось для меня загадочным или непонятным, как например письменность Триполья, "надписи среднедунайской Аратты" [Шилов 1995 : 237 и passim]. Насколько можно полагаться на этот проблематичный источник? Неясна для меня и концепция Триполья, отождествляемого то с шумерской Араттой (?), то с индоевропейской "Страной земледельцев" Аратта [Шилов 1995 : 31]. Чтение книги, и без того, надо сказать, нелегкое, несколько затрудняют довольно многочисленные опечатки; автор знает это, хотя и не смог справиться с этими, в основном техническими, помехами в трудном в нынешних условиях деле издания такой крупной книги. Неведомое мне киевское издательство СИНТО в целом справилось с печатанием книги Шилова, издав ее приличным

тиражом в 5000 экземпляров. Отмечу, может быть, только назойливое повторение одной и той же опечатки, искажающей смысл – алазано-баденская культура, надо: алазано-беденская. И еще отмечу одну досадную опisku пера (авторскую? издательскую?). П. Кречмер опубликовал статью "Индийцы на Кубани" не в Англии (так [Шилов 1995 : 13]), а в Австрии (у Шилова ссылка на Трубачева [Трубачев 1976], где дано правильно). Указатели в этой большой книге отсутствуют, но автор намерен их дать в приложении ко II-ому тому, еще не напечатанному – сведение из личного письма.

Оценивая такую книгу, непростую, как и человеческая судьба Ю.А. Шилова, нельзя забывать, что оцениваешь почти нечеловеческий вложенный в нее труд, попросту неохватный одним взглядом. Смелая устремленность, готовность ставить и решать трудные задачи и искать подходы к труднейшим обычно делает таких исследователей легкой мишенью для критики. Но читатель непредвзятый, к тому же, интересующийся предметом, вынесет из этого чтения очень многое – из свежего материала, обобщений, бесчисленных наблюдений. Из них складывается положительный итог труда Юрия Алексеевича Шилова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* 1958 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.
Абаев В.И. 1981 – Геродотовские *Skythai geōrgoi* // ВЯ. 1981. № 2 (= В.А. Абаев. Избр. труды. Т. 1. Владикавказ, 1990).
Гулиа Д. 1986 – Собр. соч. Т. 6. Сухум. 1986.
Евреинов Н.Н. 1924 – Азazel и Дионис. Л., 1924.
Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
Ранович А.Б. 1937 – Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937.
Трубачев О.Н. 1976 – О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4.
Трубачев О.Н. 1977 – Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.
Трубачев О.Н. 1987 – Античная балканистика. М., 1987.
Трубачев О.Н. 1991 – Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
Трубачев О.Н. 1993 – Древние славяне на Дунае (южный фланг). Лингвистические наблюдения // Славянское языкознание. XI МСС. Докл. российской делегации. М., 1993.
Трубачев О.Н. 1994 – Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // ВЯ. 1994. № 6.
Шилов Ю.А. 1995 – Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995.
Шилов Ю.А. -АДД – Прародина ариев. История, обряды и мифы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук.
Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М., 1981.
Blázek V. 1994. – AO. 1994. N. 62. Rec.: C. Bonfante. Il "sale" e l' "aratro" fra gl' Indoeuropei // *Studia etymologica Indoeuropaea memoriae J.J. van Windekens dedicata*. Leuven, 1991.
EWAI – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen. Bd. I. Lf. 2. Heidelberg, 1987.
KEWA – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. III. Heidelberg, 1976.
Mallory J.P. 1982 – Indo-European and Kurgan fauna I: wild mammals // *JIS*. 1982. V. 10. N 3–4.
Pokorny J. – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Bern. 1949–1959.